

РАЙКО ЖИНЗИФОВ И „СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Хотя мы в настоящей работе не намереваемся анализировать переводы Райко Жинзифова со славянских языков,¹ полезно все-таки поговорить о его отношении к древнейшему русскому литературному памятнику в связи с воздействием „Слова о полку Игореве“ на его поэзию.

Уже в начале 60-х годов XIX века П. Р. Славейков заявил, что „каждый писатель, какого бы он ни был славянского племени, если хочет быть хорошим писателем, непременно должен владеть хотя бы русским, польским, чешским, сербским и болгарским „наречием“; тут несомненная связь с требованием Яна Коллара.² Славейков как болгарин добавляет к четырем основным славянским „наречиям“ Я. Коллара еще болгарское, ибо последнее является по Славейкову основой церковнославянского языка.

Райко Жинзифов следил за всеми славянскими газетами, читал их и откликался на них в русской печати.³ Хорошо знал историю литературы

¹ Dorovský, I.: *První pokus o básnický překlad Slova o pluku Igorově do bulharštiny (makedonštiny) a lidová slovesná tvorba*, Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity, D 12, Brno 1965, s. 123—135; его же: *První překlady Rukopisu královédvorského a Zelenohorského do makedonštiny*, там же, D 20, 1973, s. 243—259; См. также: Dorovský, I.: *České země a Balkán. Kapitoly z dějin česko-makedonských a makedonsko-českých styků*, Brno 1973, s. 47—72.

² *Dějiny české literatury*, II, Praha 1960; *Dejiny slovenskej literatúry*, 2, Bratislava 1960; Brtáň, R.: *Ján Kollár, básník a Slovan*, Martin 1963.

³ Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, София 1964.

„К. Жинзифов, значительный болгарский поэт и русский публицист по болгарским делам“. См. Никитин, С. А.: *Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах*, Москва 1960, с. 105. Доказательство того, что Жинзифов следил за революционно-демократическими журналами, напр., за „Современником“, имеем только с 1863 года, когда поэт откликнулся на статью Н. В. Берга „Мои скитания по белу свету“, напечатанную в 1 и 2 книгах „Современника“ за 1863 год. Известно, однако, что в 1863 году напечатал в „Современнике“ свой роман „Что дьлать?“ Н. Г. Чернышевский. Статья Жинзифова „Два слова по поводу статьи г. Николая Берга „Мои скитания по белу свету““ вышла в газете День, № 9, 1863 с подписью Южный славянин. Она по нашему мнению ошибочно опубликована в *Публицистиката на Любен Каравелов* (1860—1869), София 1958, с. 103—108.

всех славянских народов и особенно историю русской литературы и южно-славянских народов.

О воздействии „Слова о полку Игореве“ на балканские литературы и творческие личности XIX века еще мало написано. Вопрос о переводах „Слова о полку Игореве“ на славянские языки долго оставался нетронутым. В. Д. Кузьмина писала: „Несомненно, что тщательное и целеустремленное изучение славянских литератур раскроет также воздействие „Слова о полку Игореве“ на балканские литературы XIX века (болгарскую, сербскую, черногорскую), где аналогичные материалы еще не были собраны. Это одна из задач, которую должно поставить перед собой советское славяноведение. Только тогда можно будет ясно и отчетливо представить себе во всем объеме общеславянское значение „Слова о полку Игореве“.“⁴

До сих пор, напр., не существует обстоятельной работы о значении этого древнерусского литературного произведения для развития русско-болгарских и русско-македонских литературных связей в прошлом столетии.⁵

Жинзифов, поступив в университет, начинает переводить стихи Шевченко, „Краледворскую рукопись“ и „Слово о полку Игореве“. Вместе со своими оригинальными стихотворениями он свои переводы издал в „Новоболгарском сборнике“ в 1863 г.⁶

Каковы были причины, какие факторы воздействовали на молодого начинающего поэта в выборе и переводе именно названных произведений? По нашему мнению, цель Жинзифова ясна: в своей просветительской деятельности он прибегает к помощи лучших славянских авторов и произведений (о фактах фальсификации В. Ганки он не знал), чтобы показать величие и древнюю славу славянских народов и тем самым укрепить славянское самосознание населения Македонии и Болгарии. Значит, „Слово о полку Игореве“ должно было сыграть выдающуюся общественно-политическую роль. Внимание Жинзифова привлекли и высокие художественные и идейные качества „Слова“, его основной мотив — призыв к единству, к объединению всех сил против иноземных варваров. Обращению Жинзифова к „Слову о полку Игореве“ способствовала также его близость к устному народному поэтическому творчеству, романтическое стремление поэта пробуждать в народе любовь к историческому прошлому и вызвать в нем интерес к поиску подобных древних литературных произведений в Македонии и Болгарии. „Мие сегашни българи, потомци на славните

⁴ Кузьмина, В. Д.: *Слово о полку Игореве как памятник мировой литературы*, в *Слово о полку Игореве*, сборник статей, под редакцией И. Г. Клябуновского и В. Д. Кузьминой, Москва 1947, с. 10.

⁵ Ангелов, Б. Ст.: „Слово о полку Игореве“ и българската литература, Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы XII, Москва 1956, с. 60—70; его же: *Слово о полку Игореве на български*, в *Слово о полку Игореве*, юбилейно издание на БАН, София 1956, с. 101—109; его же: *Слово о полку Игореве и его оценка в Болгарии*, Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы, XV, Москва 1956; Доровский, И.: *Указ. соч.*, с. 123—135.

⁶ Жинзифов, Р.: *Новобългарска сбирка* (Слово за полкът Игорев, превод от староруски язык. Краледворска ръкопис, превод от чешки язык. Гуслияр Тараса Шевченка, превод от мало-руско наречие. Ново-българска гусла), Москва 1863.

ни дедове, треба да изтърсиме сите наши църкви и манастири и пр. Може би да е останало некое старо народно съкровище, в кое, като в огледало ще видиме животът на нашите дедове; негли нам клета ни съдбина оставила негнбната некая си ръкопис, като на руси-те славного Слово о пълку Игореве, на чешите нихната Краледворска ръкопис и пр.⁷

Жинзифов также не мог примириться с фактом, что „Слово о полку Игореве“ было переведено на славянские языки — на чешский,⁸ польский,⁹ сербский,¹⁰ а также на французский и немецкий языки, в то время никакого болгаро-македонского перевода не было.

По образцу Н. В. Гербеля¹¹ наш поэт дал поэтический перевод „Слова о полку Игореве“, некоторые части которого очень удачны. Отчасти „Слово“ переведено шестисложным стихом, что указывает на явный замысел переводчика — отождествить или хотя бы приблизить форму „Слова“ еще более к форме македонской народной поэзии.¹² Творческий подход Жинзифова подчеркивает связь „Слова о полку Игореве“ с устным народно-поэтическим творчеством даже там, где в подлиннике такой явной связи нет. Большинство переведенных Жинзифовым шестисложных или восьмисложных стихов закончено ассонансом. Это одна из любимейших его форм и чаще всего с ней встречаемся в его собственном поэтическом творчестве. С такой метрической формой встречаемся также у Тараса Шевченко, и не только в его думках, а также в переводе некоторых частей (напр., Плач Ярославны) „Слова о полку Игореве“.¹³

Помимо социальной и духовной близости как одного из основных условий благоприятного литературного воздействия надо учитывать также объективные факторы, напр., специфику исторических условий и эстетических предпосылок этого воздействия на ту или другую литературу, возможности стиха, языка и т. д.¹⁴

⁷ Жинзифов, Р.: *До читателя*, Публицистика в два тома, София 1964, том 2, с. 236—238.

⁸ *Слово о полку Игореве. Библиографический указатель*. Составили: О. В. Данилов, Е. Д. Поплавская, И. Р. Романченко, под редакцией С. К. Шамбинаго, Москва 1940.

⁹ Там же. См. также Шольсон, М. М.: *О первом переводе „Слова о полку Игореве“ на польский язык*, Труды Отдела древнерусской литературы, XII, Москва 1956, с. 74 и след.

¹⁰ Первый перевод у южных славян дал Милош Светич в Голубица с цветом книжества србског, IV, с. 148—178, Београд 1842, под названием *Песма (Слово) о полку Игоревом (XII века)*, с подлинного рускога или старога црквено-библејског на србски језик преведена и сложена по начину јуначких народних песама, с додатим едним примечанием по изданију Михаила Максимовича, Киев 1837.

В 1954—1958 годах появилось у южных славян несколько изданий „Слова о полку Игореве“: в 1954 году вышло „Слово“ в переводе Р. Нахтигала на словенском языке, в том же году в болгарском переводе Л. Стоянова, в 1957 году на хорватско-сербском языке в переводе И. Бадалича, в том же году на македонском языке в переводе Т. Димитровекого, и в 1958 году на сербско-хорватском языке в переводе М. Паница-Сурена.

¹¹ *Игорь, князь Северский, Слово о пълку Игореве, поэма в двенадцати песнях*. Перевел с древнерусскаго Николай Гербель, издание шестое, Санктпетербург 1881.

¹² Доровский, И.: *Указ. соч.*, с. 123—135.

¹³ Шевченко, Т. Г.: *Твори*, том другой, Львів 1907, с. 261.

¹⁴ Неупокоева, И. Г.: *Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур*, Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, том 19, вып. 3, Москва 1960, с. 187—300.

„Слово о полку Игореве“ влияло на собственное поэтическое творчество Жинзифова в области формы и содержания. И прежде всего в выведении образа гуслияра, в изображении певца, поднимающего народ. Образ гуслияра Жинзифова мы считаем, в отличие от Б. Ст. Ангелова, синтезом „вещего Бояна“ из „Слова о полку Игореве“ и кобзаря Т. Г. Шевченко.

О „старце-юнаке“, поющем об актуальных вопросах времени, упоминает наш поэт уже в своем первом стихотворении „Питање и отговор“. С более конкретным образом народного рапсода или рапсода из народа встречаемся в стихотворении „Молитва“ („Боже, чуй моя молитва ...“, 1862), в котором певец еще в духе православия обращается к богу с просьбой дать ему „гуслу Боянову“, чтобы петь, рассказывать народу о прошлом, настоящем и будущем:

Дай ми гусла Боянова
Гласовита му тетива,
Стара гусла яворова

Метрическая форма хорая в этом стихотворении совпадает с метрической формой некоторых частей его перевода „Слова о полку Игореве“. Ср.

Тамо храбри руси
Свършиха си гозба.
Сватове напиха
Легнаха си сами
Та за руска земля!

Очень близким образом певца „Слова“ и кобзарей Шевченко является начало стихотворения „Просяк“ („Нищий“, 1862):

Просяк с гусла яворова
По улици шетат сам,
Пеит просяк песня нова,
Нещо разкажуват нам.
И ударат по тетивы,
Вещо мърдат пръсти он,
Из уста му думи живи
Летаят дор в небосклон.

Нового Бояна, Бояна нового времени, народного рапсода-гуслияра, поэту лучше всего удалось вывести в прекрасной поэме „Гуслияр в собор“ (1862). Некоторые подобные, аналогичные стихи, способы выражения, лексика и т. д. подсказывают, что стихотворение подвергалось известному воздействию „Слова о полку Игореве“ („Сос гусла под явор гъстолист / /Тетиви мърдна десна ръка / или че гусла яворова к’е засвири / Уста ми к’е пеят с нея заедно“). Яснее всего ощутимо воздействие „Слова“ в следующих стихах Жинзифова:

Так велит он сос силен глас,
Новый Боян, народен певец,
Так гърло кинит час по час,
Носейки на глава си венец.
И твърдо стапват на крака
И вещь мърдат пгърсти он,
Държейки гусла во рака,
И будит народ от тежок сон.

Ср. „Слово о полку Игореве“:

Боянъ же братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедѣй пуцаше,
нъ в своя вѣщия прѣсты
на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.¹⁵

Несомненно, лексика „Слова о полку Игореве“ повлияла и на некоторые другие стихотворения и отдельные стихи из приведенных нами стихотворений нашего поэта. Гуслияр Жинзифова, подобно вешему Бояну из „Слова“, поет о прошлом и настоящем, призывает к активному участию в борьбе с иноземными врагами, к единству и братству. Значит, патриотический пафос „Слова о полку Игореве“ благоприятно воздействовал на творчество Райко Жинзифова.

¹⁵ *Слово о полку Игореве*. Вступительная статья, редакция текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примечания Д. С. Лихачева, 3-е издание, Москва—Ленинград 1961, с. 50.

